

**ПСИХОЛОГИЧЕСКИЕ ПРОБЛЕМЫ
ПРАВОВОГО РЕГУЛИРОВАНИЯ**

Необходимость и пределы психологического исследования правового регулирования определяются соответствием познавательных возможностей такого исследования назревшим теоретическим и практическим проблемам. Важнейшей среди них является проблема социальной эффективности права. Она становится центральной в советской юридической науке. Вместе с тем это важнейшая практическая проблема, интерес к которой вызван необходимостью повышения реальных возможностей права как действенного средства, способствующего возрастанию роли человеческого фактора в обеспечении резкой интенсификации, ускорения темпов экономического и социального развития общества. Социальный эффект действия права недостижим без учета и использования закономерностей психической деятельности непосредственных адресатов правовых предписаний. Определение психологических условий социальной эффективности права предполагает рассмотрение в рамках процесса правового регулирования целого ряда психологических проблем: анализа содержания, структуры и формы выражения правовых предписаний с точки зрения отражения в них социально-психологических закономерностей, регулируемых общественных отношений или для изучения потенциальных возможностей влияния этих предписаний на регулятивную сферу психической деятельности участников таких отношений; психологической характеристики правового поведения (правомерного и противоправного); социально-психологических аспектов правосознания и правовых отношений; психологии правоприменительной деятельности и других.

Правовое регулирование нередко связывают только с внешним поведением (действиями, бездействием) участников общественных отношений, причем в этом находят специфику нормативного юридического воздействия, его отличие от идеологического (воспитательного) воздействия права¹. При решении этого вопроса следует исходить из известного положения марксистской социологии о том, что у человека все внешние побудительные силы, вызывающие его действия, неизбежно должны предварительно пройти через его психику, приобретая форму внутренних побуждений². Внешние причины действуют в таком случае, преломляясь через внутренние (психические) условия, которые формируются в зависимости от внешних воздействий³. Поэтому вне или помимо психической деятельности непосредственных адресатов правовых предписаний никакое правовое воздействие невозможно. Оно должно ориентироваться не на внешние поведенческие акты, а на психическую структуру личности, ее свойства, внутренние регулятивные механизмы, предопределяющие ее поведение.

Определенную традицию имеет мнение о неадекватности психологического подхода к исследованию правового регулирования. При этом психологический механизм правового воздействия сводится к аффективно-моторному аппарату психики, подчеркивается социальная нейтральность психических процессов и состояний⁴. В таком случае автоматически снимается вопрос о психологической специфике, о наличии своеобразного психологического механизма правового воздействия. В психологической науке также существует мнение, согласно которому динамика психических процессов, происходящих по законам, определяемым социальными связями и отношениями (общением, отношением человека к бытию), не является предметом собственно психологии⁵. Нетрудно заметить, что если динамика протекания психических процессов отрывается от их реального социального содержания, то и психологический механизм правового регулирования можно свести к самым общим закономерностям функционирования человеческой психики при осуществлении целенаправленного поведения (деятельности). С таких позиций на психологическом уровне правомерная деятельность не будет отличаться от противоправной, общение в совместной трудовой деятельности от общения соучастников преступления. Поэтому психологическое исследование правового регулирования не может абстрагироваться от содержательных моментов психической деятельности, отражающих характер социально-правовых связей, которые возникают и существуют между людьми в сфере правовой деятельности. Осознание правомерности или противоправности своих действий, уверенность в своих правах и притязаниях, признание за собой юридических

обязанностей, предвидение отрицательных последствий и переживание вины при невыполнении этих обязанностей могут быть поняты на психологическом уровне только с учетом их социально-правового содержания.

При психологическом исследовании правового регулирования выявляется несоответствие подходов юридической и психологической наук к моделированию правовой действительности. Первая формулирует большинство своих понятий на основе нормативных логико-юридических моделей, отражающих правовую действительность с позиций «должного». Психологию же обычно интересует «сущее», т. е. реальное, эмпирически фиксируемое положение вещей, не то, например, как должен думать и чем руководствоваться человек, принимающий правовое решение, а то, как он при этом думает и из чего исходит на самом деле. Это несоответствие может преодолеваться формированием юридических моделей в максимальном приближении к правовой действительности.

Центральное место среди проблем правового регулирования занимает исследование его психологического механизма. В этом понятии отражается в первую очередь наличие особых психологических закономерностей, которые отличают правовое регулирование от других видов нормативной регуляции человеческого поведения. Существование такого механизма теоретически может быть обосновано в рамках учения о формировании высших психических функций, разработанного Л. С. Выготским. Эти функции представляют собой интериоризированные социальные связи и отношения (формы взаимодействия и сотрудничества между людьми), которые приобретают характер функциональных психических механизмов, обеспечивающих индивидуальное приспособление к социальной действительности через саморегуляцию личности своего поведения⁶.

Психологический механизм правового регулирования выражает специфику перевода правовой детерминации на уровень индивидуального поведения и деятельности, межличностного и группового взаимодействия в системе общественных отношений, урегулированных правом. С его помощью реализуются регулятивные свойства права (социальная оправданность, справедливость, общеобязательность, институциональность, принудительность, властность и другие), осуществляется их перевод в готовность личности к ориентированному на правовые предписания поведению (взаимодействию). Правовое воздействие опосредуется при этом внутренними субъективными механизмами персонификации правовых предписаний. Персонификация представляет собой сложный и противоречивый процесс взаимодействия информационного содержания социализирующих и регулирующих поведение личности факторов с различными типами сознательно-психологических и идеологических процессов, свойств и отношений, образующих целостный личностный модус человека (потребности, интересы, мировоззрение, убеждения, оценочные критерии, стремления, качества, индивидуальный опыт)⁷. В психологическом механизме правового регулирования проявляется взаимодействие следующих факторов: содержания и значения правовых предписаний в соответствии с реальными ценностями (экономическими, политическими, идеологическими, нравственными, социокультурными и т. д.) общества и отдельных социальных групп; правовой формы выражения этого содержания с ее специфическими регулятивными свойствами (нормативностью, институциональностью, принудительностью, властностью и другими); социально-правовой подкультуры, в контексте которой находятся социально-психологические предпосылки правоприменительной деятельности, правовой социализации, а также правосознания (общественного и группового) как результата психического отражения действительности; социально-правовых связей (в том числе их социально-психологических аспектов) в конкретных правовых отношениях; личностных особенностей непосредственных адресов правовых предписаний.

Основное содержание психологического механизма правового регулирования — это функциональные элементы психической деятельности, обеспечивающие регуляцию и контроль поведения (взаимодействия), ориентированного на правовые предписания, а также закономерные структурные и динамические связи между ними. Для выявления основных функциональных элементов механизма правового регулирования недостаточно обычного теоретического подхода, в соответствии с которым он сводится к известным психологическим понятиям (потребность, мотив, цель, интерес, установка и т. д.), отражающим механизмы саморегуляции любой осознанной и целенаправленной человеческой деятельности. В сфере пра-

вового регулирования речь должна идти не только об индивидуальной деятельности, но и взаимодействии, общении между людьми, обусловленными в значительной мере их социально-правовыми связями и зависимостями. Поэтому и на психологическом уровне необходимо искать функциональные элементы, отражающие ответственную социально-правовую зависимость между людьми и основанные на ней взаимодействие, общение. Причем здесь ответственность должна рассматриваться уже как высшая психическая функция, в которой в интериоризированном виде выражается внешняя реальная ответственная зависимость, возникающая между людьми при их взаимодействии, общении в сфере правового регулирования. В соответствии с приведенными теоретическими соображениями и данными экспериментально-психологических исследований можно выделить в психологическом механизме правового регулирования следующие функциональные элементы: а) ориентацию на правовые предписания в юридически значимых ситуациях (понимание правового характера возникающего отношения и своих действий, предрешение о правомерном или противоправном способе реагирования); б) формирование готовности к юридически значимому поведению (взаимодействию) с учетом правовых предписаний; в) построение программ собственных действий и прогнозирование поведения других участников правового отношения на основе нормативно-правовых моделей, содержащихся в этих предписаниях; г) формальную ориентацию поведения на правовые предписания, поиск возможностей для их «обхода», использования для достижения своих эгоистических интересов, включая злоупотребление субъективным правом, «правовую» аргументацию неправомερных действий и т. д.

Интегрирующую роль в функционировании психологического механизма правового регулирования играет субъективная социально-правовая ответственность личности, определяющая предрасположенность сознательно и добровольно соотносить свое поведение с правовыми предписаниями.

¹ См.: Эффективность правовых форм. М., 1980. С. 43; Фаткулин Ф. Н. Проблемы общей теории социалистической правовой надстройки. М., 1980. Т. 1. С. 60—61.

² См.: Маркс К., Энгельс Ф. Соч. Т. 21. С. 308

³ См.: Рубинштейн С. Л. Бытие и сознание. М., 1957. С. 10.

⁴ См.: Яковлев А. М. Теория криминологии и социальная практика. М., 1985. С. 115.

⁵ См.: Шерозия А. Е. Психика. Сознание. Бессознательное. Тбилиси, 1979. С. 17.

⁶ См.: Выготский Л. С. Развитие высших психических функций. М., 1960. С. 450.

⁷ См.: Момов В. Норма и мотив поведения // Вопросы философии. 1972. № 8. С. 110.

В. Г. ТИХИНЯ, О. Ф. БРИТО

СУД И ПРАВОСУДИЕ В РЕСПУБЛИКЕ КУБА

В государственном аппарате республики Куба важное место занимают судебные органы, призванные защищать от любых посягательств завоевания революции, новые устои общества и государства. «Всякая революция, — учил В. И. Ленин, — лишь тогда чего-нибудь стоит, если она умеет защищаться...»¹.

В Конституции Республики, принятой после референдума в феврале 1976 года, определено, что суды должны: а) поддерживать и укреплять социалистическую законность; б) охранять экономический, социальный и политический строй; в) охранять социалистическую собственность, личную собственность граждан и другие, признаваемые основным законом, формы собственности; г) защищать права и законные интересы государственных учреждений, хозяйственных и массовых общественных организаций; д) охранять жизнь, свободу, достоинство, честь, имущество, семейные отношения и другие права и законные интересы граждан; е) предупреждать правонарушения и антиобщественное поведение, наказывать и перевоспитывать тех, кто допускает такие нарушения, восстанавливать действие правовых норм, когда имеются заявления об их нарушении; ж) повышать общественное правосознание в целях строгого соблюдения законов.

Суды Кубы, их система и методы работы имеют социалистический характер. В докладе I съезду Коммунистической партии Кубы Фидель Кастро отметил: «Как и в других сферах государственной деятельности мы